

*Ю. Е. Кондаков*

### **«ЗАПРЕТ» МАСОНСКИХ ЛОЖ НИКОЛАЕМ I (НА МАТЕРИАЛАХ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПОЧТ)**

Теория всемирного масонского заговора была популярна в России начала XIX в. Об этом писал ее апологет С. И. Смирнов, и архимандрит Фотий (Спасский) сообщал Александру I в своих посланиях. Масонов обвиняли во вмешательстве в политику, экономику, социальную сферу, религию, желании ниспровергнуть алтари и престолы. Насколько подобным обвинениям верила высшая российская власть? Четыре российских императора – Екатерина II, Павел I, Александр I и Николай I – запрещали деятельность масонских лож в России. При этом лишь указ 1 августа 1822 г. был официально опубликован. Екатерина II и Павел I объявляли свои запреты, так сказать, «в частном порядке», доводя до сведения руководителей масонов о своей воле. Подробнее узнать об отношении высшей российской власти к масонским ложам помогут материалы дела о «запрете» лож Николаем I. Эти документы сохранились в фондах Главного управления почт (РГИА. Ф. 1289).

Ключевым в этом отношении является дело «О масонских ложах и тайных обществах» (Ф. 1289. Оп. 1. Д. 358). Поводом к его возбуждению послужил рескрипт Николая I министру внутренних дел 21 апреля 1826 г.<sup>1</sup> Этот документ часто неверно расценивается в литературе, как очередной указ о запрете масонских лож и тайных обществ.<sup>2</sup> Как следует из текста, это не было новым запретом, император не нашел нужным повторять уже изданный его братом Александром I указ. Рескрипт Николая I давал шанс масонам и членам тайных обществ, не сознавшим во время подписки 1822 г., освободиться от ответственности, предоставив правительству правдивые сведения о своей деятельности.

В рескрипте Николай I сообщал, что во время следствия над декабристами выяснилось, что ни один из членов тайных обществ не сообщил о них во время подписки, проводившейся согласно указу 1 августа 1822 г. Царь находил, что многие члены декабристских организаций были вовле-

чены туда обманом, при вступлении не приносили присяги, а также вскоре оставили тайные общества. По мнению Николая I, такие доводы хотя и существенно смягчали вину, но не освобождали от ответственности лиц, позволивших себе обмануть императора (дав неверную подписку). В своем рескрипте Николай I объявлял амнистию для лиц, не указавших свое членство в масонских ложах и тайных обществах во время подписки 1822 г., при условии, что они дадут полные сведения о своей тайной деятельности. Министру внутренних дел предписывалось: «Истребовать по всему Государству вновь обязательства от всех находящихся в службе и отставных чиновников и не служащих дворян в том, что они ни к каким тайным обществам, под каким бы они названием не существовали, впредь принадлежать не будут, и если кто прежде к какому-либо из них, когда бы то ни было, принадлежал, то с подробным объяснением в обязательстве его: под каким названием оно существовало, какая была цель его, и какие меры предполагалось было употребить для достижения той цели?». Кроме того, каждый, имевший любые сведения о тайных обществах, был обязан сообщить их в подписке. Сокрытие любой информации по этому поводу грозило «строжайшим наказанием, как Государственным преступникам».<sup>3</sup> На этот раз подписка охватывала не только чиновников и военных, но и не служащих дворян.

Следствием рескрипта стало составление новой подписки: «Я, нижеподписавшийся, чистосердечно и со всей откровенностью объявляю Почтовому департаменту, что в продолжение всей моей жизни ни к какому тайному обществу не принадлежал и оных ни токмо никогда не посещал, но никакого ни об одном тайном обществе сведений не имею... и принадлежать не буду».<sup>4</sup> Из приписки к «Форме» следовало, что те, кто к тайным обществам никогда не принадлежал, должны были просто поставить под текстом свою подпись. С остальных требовался подробный отчет.

В пояснительной записке государственный секретарь А. Н. Оленин указывал, что от лица, имеющего информацию о тайном обществе, требовалось сообщить: 1) в какое общество был принят; 2) в какой форме обещал хранить тайну – клятвой или честным словом; 3) если не был формально принят, то: а) не посещал ли? б) не знал ли чего? в) не имел ли разговоров с соучастниками?

Первым в Почтовом департаменте подписку дал его управляющий, князь А. Н. Голицын. Он сообщал, что к тайным обществам не принадлежал, не посещал, никакого о них сведения не имел.<sup>5</sup> Сведений о масонских ложах, в которые входил Голицын, пока не обнаружено, однако тайные общества он посещал. Правда, они носили не политический, а религиозный характер.

По сведениям А. И. Серкова, Голицын входил в общество Т. Лещица-Грабянки «Нового Израиля» («Авиньонское общество»), работавшее в С.-Петербурге в 1805–1807 гг. Состоял Голицын и в секте К. Ф. Татариновой, собиравшейся в Михайловском дворце в 1817–1822 гг. Голицын входил в общество пастора И. Е. Госснера, официально осужденного и высланного из России в 1824 г. Кроме того, особое общество многие годы существовало и в окружении Голицына. Центром этого круга был Р. А. Кошелев. Будучи министром духовных дел и народного просвещения и президентом Российского Библейского общества, Голицын сотрудничал с руководителями масонских лож. Сохранилась его переписка с великим мастером лож «Умирующий сфинкс» и «Вифлием», членом Ордена розенкрейцеров А. Ф. Лабзиным. В своих письмах Голицын демонстрировал осведомленность о масонской деятельности Лабзина, указывая, что его самого могут посчитать членом ложи «Умирующего сфинкса». <sup>6</sup> Однако Голицын не стал указывать в подписке известные ему сведения о масонских ложах и тайных обществах.

Вслед за своим начальником особой откровенности не проявили и другие чиновники Главного управления почт. Первый список масонов был составлен на основании подписок чиновников С.-Петербургского почтамта. Из 199 человек, включая преподавателей почтовых училищ и отдельных почтовых контор, в масонстве призналось всего восемь: 1) цензор, статский советник Ф. Вейраух состоял в ложе в С.-Петербурге, название забыл, и в ложе в Риге «К мечу»; 2) экспедитор Петр Рубец, С.-Петербург, «Трех светил»; 3) эконоом 8 класса Христофер Шотт, С.-Петербург, «Александра Коронованного Пеликана»; 4) титулярный советник Е. Малов, С.-Петербург, «Трех светил»; 5) рижский губернский почтмейстер, коллежский советник А. Смитен, Митава, «Трех коронованных мечей»; 6) управляющий курляндской почтовой конторой, коллежский советник К. Баранов, военная масонская ложа под управлением Пестеля; 7) нарвский почтмейстер А. Унгер, С.-Петербург, «Александра Коронованного Пеликана»; 8) волынский почтмейстер, коллежский секретарь К. Берен, С.-Петербург, «Петра к истине». <sup>7</sup>

К списку масонов прилагались показания К. Баранова и палангенского почтмейстера Г. фон Францена. Баранов сообщал, что всего один раз посещал ложу Пестеля и, разочаровавшись, сразу же отошёл от работ. Никаких отношений с ложей он не поддерживал и поэтому посчитал не обязательным упоминать о ней в подписке 1822 г. Францен сообщал, что с 1818 по 1823 гг. состоял в ложе «Мемфис». Никаких сведений о том, что записки Баранова и Францена вызвали какую-либо реакцию властей, в деле нет.

После сбора подписок со всех служащих различных почтовых отделений России был составлен новый список чиновников, входивших в ложи,

включая чиновников, уже указанных в списке С.-Петербургского почтамта (№ 2–9): 1) коллежский советник К. Шибель, «Дубовая роща»; 10) титулярный советник Ф. Франк, «Благотворительный пеликан»; 11) титулярный советник Ю. фон Францен, «Мемфис»; 12) московский почтамт, статский советник Ф. Пфелер, «Александра к тройственной благотворительности»; 13) коллежский советник Ф. Блюмне, «Александра к тройственной благотворительности»; 14) надворный советник Н. Распопов, «Георгиевская»; 15) Малороссийский почтамт, статский советник И. Мельников, «Елизавета к добродетели»; 16) Литовский почтамт, надворный советник А. Трефурт, «Золотого постояства» и «Добрый пастырь»; 17) титулярный советник Ф. Розен, «Добрый пастырь»; 18) надворный советник А. Сейферт, «Добрый пастырь»; 19) титулярный советник Ф. Смит, «Военного Ордена Св. Георгия»; 20) титулярный советник Л. Рябиков, «Добрый пастырь» 21) титулярный советник Г. Лобанов-Быковский, «Избранного Михаила»; 22) Тамбовский почтамт, коллежский советник В. Кроне, «Елизавета к добродетели»; 23) коллежский советник И. Лазарев, «Ключ к добродетели»; 24) Казанский почтамт, князь М. Давыдов, «Елизавета к добродетели»; 25) Сибирский почтамт, губернский секретарь В. Козерогов, «Российский орел».

В том же списке находились чиновники, пожелавшие сообщить какие-либо сведения о ложах и тайных обществах: 26) С.-Петербургский почтамт, титулярный советник Е. Флоридов слышал о ложе в Ямбурге; 27) Московский почтамт, коллежский советник И. Бабаев был приглашен в «Союз благоденствия»; 28) коллежский асессор И. Лихонин в ложах не состоял, но посещал; 29) Тамбовский почтамт, титулярный советник И. Денисов был введен в ложу, названия не помнит; 30) Сибирский почтамт, статский советник И. Миллер был приглашен в ложу.

Всего в «Списке почтовых чиновников, входивших в ложи» значилось тридцать человек. При этом не все из них были масонами. Трое сообщили, что в ложах не состояли, но получали приглашение вступить (Е. Флоридов, И. Бабаев, И. Миллер). Один (И. Лихонин) сообщил, что посещал ложи, но официально не вступал. Таким образом, во всем Главном управлении почт в 1826 г. насчитывалось всего 26 масонов. Это притом, что почта была одним из приоритетных направлений деятельности масонов. Они старались внедрить своих членов в почтовое ведомство, чтобы через них обеспечить секретность своей переписки и почтовых пересылок. В почтовом ведомстве в разное время служили розенкрейцеры Ф. П. Ключарев, А. Ф. Лабзин, Д. П. Рунич. При этом чиновники, указавшие в подписке свое масонство, сообщили далеко не полные данные о своей деятельности.

Сведения о масонах Почтового департамента можно получить энциклопедического словаря «Русское масонство» А. И. Серкова. О шести масонах – чиновниках Почтового департамента – сведения в «Словаре» Серкова отсутствуют. Это К. Баранов (заявил, что входил в военную ложу под управлением Пестеля), А. Сейферт («Добрый пастырь»), Ф. Смит («Военного Ордена Св. Георгия»), Г. Лобанов-Быковский («Избранного Михаила»), В. Кроне («Елизавета к добродетели»), И. Денисов (не назвавший ложу).

Среди остальных масонов девять человек были посвящены в одну из трех традиционных степеней (ученик, подмастерье, мастер). Они недолго посещали одну из лож и сообщили ее название. Ф. Блюмне (Ф. И. Блюмнер), штаб-хирург при лазарете московского почтамта, входил в ложу «Александра к тройственной благотворительности» с 1818 г., дошел до степени мастера. Х. К. Шот (1790–1831), эконо́м петербургского почтамта, входил в ложу «Александра Коронованного Пеликана» (Пеликан), посвящен в 1820 г., дошел до степени мастера. Е. И. Малов (Моллов), титулярный советник, лютеранин, входил в ложу «Трех светил» с 1817 г., в 1818 г. – мастер и секретарь ложи, в 1820 г. перестал платить взносы (один раз в 1817 г. посещал ложу «Елизавета к добродетели»). А. Смитен (А. И. Смиттен), рижский почтмейстер, входил в ложу «Трех коронованных мечей» (Митава) в 1818–1821 гг., имел ученическую степень. А. Унгер, нарвский почтмейстер, входил в ложу «Александра Коронованного Пеликана» (С.-Петербург) с 1811 г. и имел степень мастера. К. Берен (К. Беренс), волынский почтмейстер, входил в ложу «Петра к истине» (С.-Петербург), степень неизвестна. М. Давыдов, казанский почтмейстер, входил в ложу «Елизавета к добродетели», посвящен в 1812 г., получил степень мастера, после 1814 г. отсутствовал в ложе. В. И. Козерогов, сибирский почтмейстер, входил в ложу «Российский орел», посвящен в марте 1821 г. (трижды посещал ложу «Елизавета к добродетели»). И. А. Лихонин в «ложах не состоял», но посещал «Ищущих манны» (Москва) и в 1821 г. указан членом ложи в мастерской степени среди посещавших ложу «Орфея» в 1821 году.

Двое из вышеперечисленных – Е. И. Малов и В. И. Козерогов – скрыли в подписке то, что они посещали ложу «Елизавета к добродетели» и, естественно, знали о ее существовании. И. А. Лихонин не стал сообщать, что принадлежал к ложе «Ищущих манны». Никаких санкций к этим лицам применено не было. Лихонин в 1827 году был переведен в Москву и в 1842–1854 гг. состоял цензором при Московском почтамте.

«Энциклопедический словарь» показывает, что ряд чиновников Почтового департамента занимали высокое положение в масонской иерархии. К сожалению, далеко не всегда их «масонскую карьеру» возможно проследить.

Ф. И. Пфеллер (1760-е – 1840-е), доктор медицины, в 1803–1806 гг. служил при лазарете московского почтамта, почетный член Московского университета. Указал в своей подписке лишь ложу «Александра к тройственной благотворительности», наместным мастером которой в 1818–1820 гг. он являлся. Кроме того, Пфеллер входил в Директориальную ложу «Астрея», «Капитул благотворительных рыцарей» и ложу «Горы Фавор» (был вторым надзирателем), находящуюся под управлением Капитула. В 1820 г. он стал почетным членом ложи «Золотого кольца» (Белосток).<sup>8</sup>

П. И. Рубец (1778–1833), экспедитор петербургского почтамта, дослужившийся до чина статского советника, член Английского собрания, в подписке указал, что входил в ложу «Трех светил» (С.-Петербург). Действительно, Рубец состоял в этой ложе с 1809 г. и был ее членом-основателем (8 степень), в 1817–1820 гг. занимал должность наместного мастера ложи. Кроме того, в 1814 г. Рубец был витией в ложе «Сфинкса», в 1815 г. вступил в ложу «Елизавета к добродетели», посещал шотландскую ложу «Александра золотого льва», с 1815 г. был ритором «Великой директориальной ложи», а в 1818–1819 годах – великим ритором. Наконец, в 1817 г. он был возведен в седьмую степень в Капитуле «Феникс», в 1817–1819 гг. исполнял в нем обязанности казначея, имел орденское имя «рыцарь золотой короны».<sup>9</sup>

И. А. Мельников (1772–1850), почт-директор малороссийского почтамта, сообщил, что состоял в ложе «Елизавета к добродетели». Действительно, он был посвящен в этой ложе в 1810 г., в 1813 г. он получил шестую степень и стал вторым надзирателем, в 1813–1815 гг. исполнял должность первого наместного мастера, нерегулярно посещал собрания, но в 1818–1820 гг. снова оказался в списках ложи. Кроме того, в 1810 году Мельников был членом ложи «Пеликан», в 1814 г. – первым надзирателем в ложе «Сфинкс», членом-основателем шотландской ложи «Александра золотого льва» и герольдом Капитула «Феникса» с именем «Рыцарь Св. Креста» (1817–1818).<sup>10</sup>

И. Лазарев (И. Ф. Лазоревич), сибирский почтмейстер, указал, что входил в ложу «Ключ к добродетели» (Симбирск). Он действительно состоял в этой ложе в 1818–1821 гг. и был ее членом-основателем (для этого должен был иметь степень мастера), в 1818–1819 гг. исполнял обязанности казначея. Следовательно, Лазарев масонское обучение прошел в другой, не указанной им ложе.<sup>11</sup>

Трех следующих чиновников объединяло участие в ложе «Добрый пастырь» (Вильно), которую они и указали в подписке. Ложа была основана в 1817 г. и входила в союз «Великого востока Польши». Все трое в разное время были директорами почт Литвы. А. Ф. Трефурт (1786–1855) был единственным, указавшим название двух лож, в которые входил, – «Золотого

постоянства» и «Добрый пастырь». В последней ложе он был членом-основателем и имел пятую степень. Кроме того, в 1818–1821 гг. он был почетным членом ложи «Усердного литвина» (Вильно).<sup>12</sup> Ф. Ф. Розен, также указавший ложу «Добрый пастырь» (в 1821 г. – директор почт Вильно), был в 1817–1818 гг. казначеем ложи, в 1819–1821 гг. – наместным мастером и имел четвертую степень. Кроме того, в 1818 г. в ложе «Совершенного единства» он исполнял обязанности секретаря для иностранной корреспонденции. Был почетным членом лож «Славянского орла», «Приятель» (Гродно), «Усердного литвина» (4-я степень), «Счастливого освобождения» (Несвиж) 1820 г., «Школа Сократа» 1821 г. (5-я степень).<sup>13</sup> Третьим членом «Доброго пастыря» был Л. И. Рябиков. В 1818 году он получил вторую и третью степени, а в 1819 г. вышел из ложи, как основатель «Славянского орла». В этой ложе в 1819–1821 гг. он был наместным мастером с пятой степенью. Кроме того, он был почетным членом лож «Совершенного единства», «Школа Сократа», «Увенчанной добродетели» (Рафаловка), «Северный щит» (Варшава).<sup>14</sup>

В списке чиновников Почтового департамента находится семь человек, занимавших далеко не рядовые посты в Ордене франк-масонов. Это были масоны высокого посвящения, входившие в Директориальные ложи и Капитулы и открывавшие новые ложи. Они были членами разных масонских структур, работавших по шведской системе. Их деятельность осталось скрытой от правительства и не отраженной в подписках. Это были чиновники, занимавшие ключевые посты в Почтовом департаменте, практически все директора отделений в различных городах и губерниях. Строгое хранение масонской тайны не отразилось на их карьере.

Лишь двое из масонов почтового ведомства решились в своих подписках сказать что-либо в защиту Ордена. В отдельной записке титулярный советник Г. фон Францен сообщал, что с 1818 по 1823 г. состоял в ложе «Мемфис». Целью работ в ложе он указывал честность, преданность монарху, помощь нуждающимся.<sup>15</sup> Сразу несколько дополнительных записок подал директор почт Малороссии И. А. Мельников (июль-сентябрь 1826 г.). Видимо, он боялся ответственности за то, что утаил сведения о ложах в подписке 1822 г. В «дополнительном объяснении» Мельников рассказывал о том, что в то время, с позволения правительства, существовали еще два или три общества подобных тому, в которое он входил. Названий он не помнил, но в некоторых бывал, без клятв и обещаний, участвовал в общих и частных собраниях. Целью лож Мельников указывал благотворительность и усовершенствование нравственности.<sup>16</sup> Мельников не был случайным человеком в масонстве, он имел шестую степень, возглавлял и основывал ложи, входил

в Капитул «Феникса». При этом в подписке он отделался общими фразами, сославшись на забывчивость. Любопытно, что «плохая память» не повлияла на карьеру Мельникова: в 1833 г. он стал членом совета при управляющем Почтовым департаментом, получил чин тайного советника.

Необходимо отметить, что масонское движение в России никогда не было единым. В нем постоянно шла борьба за лидерство между различными руководителями и системами. С 1782 г. одной из самых влиятельных масонских систем в России стал Орден злато-розового креста, управлявшийся из Берлина. В Орден принимались масоны только выше четвертой степени посвящения (шотландские мастера). Среди основных занятий адептов была теургия и алхимия. Орден ставил перед собой и политические задачи. Попытка розенкрейцеров взять под контроль наследника престола Павла Петровича стала причиной ареста руководителей Ордена в 1796 г. по приказу Екатерины II. Через князя А. Н. Голицына розенкрейцеры пытались влиять на политику Александра I. Видимо, из того же источника черпал сведения об Ордене и Николай I. Розенкрейцеры стремились вовлечь в свой Орден как можно больше управляющих масонскими ложами. Значительных успехов в этом направлении они добились при руководителях российского отделения Ордена И. Г. Шварце в 80-х годах XVIII века и И. А. Поздееве в 20-х годах XIX в. Орден розенкрейцеров был единственной системой масонства, непрерывно продолжавшей свою работу в России до XX в.

Среди подписок чиновников Главного управления почт нет ни одной, сообщавшей о членстве в Ордене розенкрейцеров. Между тем, в этом ведомстве розенкрейцеры служили. И это является, возможно, главной загадкой николаевского «запрета» масонских лож. Дело в том, что розенкрейцеры были сосредоточены в Особой канцелярии Главного управления почт. Иначе ее называли «Особой канцелярией при Голицыне». После расформирования Министерства духовных дел и народного просвещения и приостановки работ Российского библейского общества в 1824 г. А. Н. Голицын сохранил должность главноначальствующего над Главным управлением почт (Почтовый департамент). В Особой канцелярии этого ведомства он собрал своих единомышленников. Туда были переведены В. М. Попов, А. И. Ковальков, П. Д. Маркелов, Ф. И. Прянишников. Двое последних были членами ложи «Умирающего сфинкса». Еще двое членов этой ложи, В. Н. Жадовский и Ю. Н. Бартенев, перешли в почтовое ведомство позднее. Все указанные лица (кроме Попова) так или иначе имели отношение к Ордену розенкрейцеров. Кроме того, А. И. Ковальков был одним из двух известных розенкрейцерских «пророков», а П. Д. Маркелов – очень почитаемым в среде розенкрейцеров писателем. Дело в том, что, судя по

всему, розенкрейцеры Особой канцелярии были освобождены Николаем I от подписки по поводу причастности к масонским ложам и тайным обществам.

Особая канцелярия никогда не привлекала внимания историков и не была предметом исследования. Создается впечатление, что это была секретная организация. По неизвестной причине дела Особой канцелярии отсутствуют в фонде Почтового департамента. При этом в соответствующих по времени описях постоянно фигурируют сотрудники канцелярии Попов, Ковальков, Маркелов, Прянишников. Они регулярно получали благодарности, награды, новые чины и должности. В день подписания манифеста о вступлении на престол 12 декабря 1825 г. Николай I отдал приказ доставить ему сведения о чиновниках. В связи с этим статс-секретарь Н. Н. Муравьев направил в Почтовый департамент распоряжение о доставлении сведений обо всех, принадлежащих к ведомству А. Н. Голицына «канцеляриях, комитетах, комиссиях и других местах с показанием всех чинов, оныя составляющих, и всех ими получаемых денежных окладах, как штатных, так и сверх штатных и прибавочных».<sup>17</sup> 22 декабря директор Особой канцелярии В. М. Попов рапортовал директору Почтового департамента Н. Д. Жулковскому о том, что предоставляет ему списки чиновников Почтового департамента, Опекунства израильских христиан и Особой канцелярии для пересылки Муравьеву.<sup>18</sup> В деле находился список всех служащих С.-Петербургских почт, включая лекарей и дьячков почтовой церкви, но перечня чиновников Особой канцелярии и Опекунства израильских христиан там не было. От того же 22 декабря сохранилось письмо А. Н. Голицына Н. Н. Муравьеву, где сообщалось о предоставлении списков чиновников Почтового департамента, Особой канцелярии и Комитета опекунства израильских христиан. Но вновь списков двух последних учреждений в деле не было. Еще более загадочным выглядело то, что служащие Особой канцелярии не были включены в списки чиновников Почтового департамента, поданные А. Н. Голицыным после указа о взятии новой подписки о непринадлежности чиновников и всех неслужащих дворян к масонским ложам и тайным обществам.

Как видно из «Отчета по делам канцелярии» за 1829 г., до этого времени подробной росписи дел, находившихся в ведении этого учреждения, не было. Директор Особой канцелярии В. М. Попов указывал в отчете, что в 1824 г. были «изложены только главные предметы занятий оной». По его словам, «надлежало ожидать, чтобы время указало точное распределение таких занятий во всех подробностях».<sup>19</sup> В течение четырех лет канцелярия работала в таком режиме. В конце 1828 г. «признано удобным приступить к систематическому распределению дел». Работы в этом направлении были начаты в 1829 г. В своем «Отчете» Попов сообщал новое устройство Особой

канцелярии. Все дела были распределены по пяти разделам: 1) дела внутренней части распорядительной; 2) дела внешние, по части распорядительной; 3) по части благотворительных обществ, богоугодных и воспитательных заведений и по части дел духовных; 4) дела миссий, переселений в Россию иностранцев для службы, торговли и сельского хозяйства, устройства участи иностранцев, приношений Государю, пособий разного рода и о книгах; 5) по части счетной. Даже из этого краткого описания становится очевидным, что далеко не все эти разделы имели отношение к почтовой части. Подтверждение этому можно найти в подробном расписании дел, решенных в 1829 г. по всем пяти разделам.

В первый и пятый разделы занятий Особой канцелярии входили непосредственно дела Почтового департамента: о чиновниках (в основном, о производстве в чины и награждении) и счетная часть. Дела второго раздела уже выходили за рамки Почтового департамента. В 1829 г. тут рассматривались дела об определении в службу, наградах, исключении из податного сословия, о помещении детей в учебные заведения, «касающиеся Императорского Дома», о лицах, в преступления впавших, об арестантах. Всего в 1829 г. рассматривалось 108 таких дел. Третий раздел был посвящен тем делам, которые входили в ведение А. Н. Голицына, когда она был министром духовных дел и народного просвещения (до весны 1824 г.): о пожертвованиях Российскому Библейскому обществу (в 1829 г. здесь рассматривалось дело о завещании барона Капенгаузена в пользу И. Е. Госснера, доложенное императору), о разных делах Российского Библейского общества, об избрании членов Императорского человеколюбивого общества (далее – ИЧО), о наградах по ИЧО, о пожалованиях за службу в ИЧО, дела ИЧО, по институту слепых, об устройстве глазной лечебницы, Общества благородных девиц, Екатерининского института, о принятии в богадельни, в сиротские дома, о вспоможении церквам и монастырям, об учреждении и устройстве церквей, о духовных лицах иностранных исповеданий, о браках, об определении к разжалованию духовных лиц, о помещении в монастыри по письмам духовных лиц, о передаче бумаг обер-прокурору Св. Синода (59 дел). Четвертый раздел: о переселении в Россию людей разного звания для образования колоний, просьба греков о пособии, о раздаче бедным сумм по завещанию императрицы Марии Федоровны, о подании книг государю (66 дел).

Обзор дел Особой канцелярии за 1829 г. переворачивает имеющееся в научной литературе представление о положении А. Н. Голицына после его отставок в 1824 г. Очевидно, что Александр I не только разрешил Голицыну собрать в Особой канцелярии сотрудников-единомышленников, но и передал туда дела, которые до этого интересовали князя. После отставки

Голицына 16 мая 1824 г. с поста попечителя ИЧО и 17 мая с должности президента Российского библейского общества (его сменил митрополит Серафим) дела Обществ продолжали доходить до императора через князя.<sup>20</sup> Дела Обществ велись в Особой канцелярии Голицына. Кроме того, в ведении Голицына остался Комитет опекунства израильских христиан, его дела велись отдельно. К Голицыну продолжали поступать различные просьбы и ходатайства связанные с его прежними должностями. По ним в Особой канцелярии возбуждались соответствующие дела, их Голицын лично представлял императору. Поэтому у Особой канцелярии был исключительный статус, часто в документах ее именовали «Особой канцелярией при Голицыне».

Находясь на посту обер-прокурора, а затем министра духовных дел и народного просвещения, А. Н. Голицын очень много усилий положил на модернизацию Духовного ведомства. Было регламентировано прохождение и рассмотрение дел, расписаны обязанности обер-прокурора и министра, определены их отношения с клиром и императором. В прошлое ушли патриархальные отношения, когда Св. Синодом самовластно распоряжались обер-прокуроры и временщики. Выступление общественного движения русской православной оппозиции в 1824 г. нанесло серьезный удар по новой системе. Александр I, идя навстречу консерваторам, провел контрреформы. Вновь дела Св. Синода доходили к императору через временщика А. А. Аракчеева, а А. Н. Голицын унаследовал часть бывшей власти обер-прокурора, лично докладывая важные для него дела Церкви Александру I. Думается, что оппозиционеры хотели совершенно другого.

Издавательски по отношению к русской православной оппозиции (среди задач которой была и борьба с масонством) выглядели персоны, которым были поручены дела ведомств, возглавляемых митрополитом Серафимом. Это были те же люди, против которых еще с 1819 г. выступали оппозиционеры: А. И. Голицын, В. М. Попов, позднее к Особой канцелярии был причислен и А. И. Тургенев. Внешне это выглядело так, как будто император доверял компетенциям этих чиновников. По тем же причинам в Особую канцелярию мог перейти и помощник секретаря Библейского общества Ф. И. Прянишников. Кроме того, Голицын взял в Особую канцелярию двух писателей-мистиков, прошедших школу розенкрейцеров, – А. И. Ковалькова и П. Д. Маркелова. Подобные назначения Александр I сделал уже после того, как познакомился с посланиями архимандрита Фотия, разоблачавшими агента иллюминатов Р. А. Кошелева. Между тем, все чиновники Особой канцелярии принадлежали к кругу Кошелева. Думается, император был уверен в людях, облеченных его доверием.

Самым потрясающим является то, что Николай I не сузил компетенции Голицына даже после того, как области ведения Особой канцелярии были прописаны в инструкции. Легко заметить, что большая часть дел Голицына относились к традиционной масонской сфере – благотворительности.

Вызывает недоумение то, что чиновникам, состоявшим в масонских ложах, Николай I не только продолжал доверять, но и использовал их для решения некоторых специфических задач. Когда в 1827 г. для исследования почтовой части Пруссии и Англии понадобилось направить двух чиновников, для этой миссии были выбраны масоны Ф. Я. Вейраух и Ф. И. Прянишников. Ничего в биографии этих чиновников вроде бы не свидетельствовало о том, что они справятся с поставленной задачей. Вейраух был уже очень пожилой человек, а Прянишников всего несколько лет работал по почтовой части. Тем не менее, они выполнили свою задачу и были награждены.<sup>21</sup> В своем «Дневнике» розенкрейцер В. С. Арсеньев 27 февраля 1858 г. оставил запись о том, что другой розенкрейцер Д. И. Попов утверждал, что уже 30 лет нет сношений русских братьев с внутренним орденом (немецким центром).<sup>22</sup> Названная дата совпадает со временем заграничной поездки Ф. Я. Вейрауха и Ф. И. Прянишникова. Впрочем, подтвердить подобную версию пока невозможно.

Масонские ложи никогда не были массовыми организациями. Поэтому неудивительно, что число чиновников почтового ведомства-масонов было не велико. В своем масонстве во время подписки 1826 г. признались всего 27 человек (речь идет только о служащих чиновниках, по отставным сведений нет). При этом среди них были десять чиновников, в разное время занимавших посты начальников отделений в разных частях России: Рига, Курляндия, Нарва, Волынь, Паланга, Малороссия, Сибирь, Литва (три человека). Большая часть этих отделений находилась на западной границе и входила в подчинение Петербургского почтамта. При посредстве этих чиновников столичные масоны легко могли осуществлять связи со своими собратьями в Европе. С другой стороны, вовлеченность в масонское движение чиновников западных губерний России могла объясняться и большей активностью масонов в Европе.

В указах Александра I и Николая I масонские ложи были поставлены в один ряд с тайными обществами. Несомненно, факт того, что масоны занимают ключевые посты во властных структурах, должен был беспокоить императоров. При этом и в 1822 г., и в 1826 г. подписка о непричастности к масонским ложам и тайным обществам носила формальный характер. Полученные сведения практически не проверялись, и лиц, давших ложную

или неполную информацию, к ответственности не привлекали (за исключением единичных случаев).

Очевидно, что повторить подписку о непринадлежности дворян к масонским ложам и тайным обществам Николая I побудило следствие над декабристами. Кроме того, в 1826 году свое влияние еще сохраняли консервативные деятели эпохи прошлого царствования: А. А. Аракчеев, А. С. Шишков, М. Л. Магницкий, митрополит Серафим, архимандрит Фотий. Император мог пойти на уступки этой партии так же, как при принятии «чугунного» цензурного устава, вскоре отмененного. При этом, проведя подписку о непринадлежности к масонским ложам и тайным обществам, Николай I не предпринял никаких мероприятий по полученным результатам. Даже масоны высоких степеней, скрывшие во время подписки подавляющую часть своей деятельности, в дальнейшем продолжали делать успешную служебную карьеру.

Александр I, специально знакомившийся с деятельностью масонских лож и, возможно, принятый в Орден, имел достаточно информации, чтобы не опасаться чиновников-масонов. Иное дело – Николай I. Сведений о его связях с масонами пока не обнаружено. Чем руководствовался он, «закрыв глаза» не только на чиновников-масонов, но и на розенкрейцеров, собранных в Особой канцелярии А. Н. Голицына? Это притом, что в дальнейшем император не раз получал тревожные сигналы. В 1827–1828 гг. были получены сведения о продолжении тайных собраний розенкрейцеров в Москве. Несмотря на то, что по приказу Николая I «на сии скопища обращено было самое бдительное внимание», никаких конкретных мер к розенкрейцерам применено не было.<sup>23</sup> В 1831 г. М. Л. Магницкий и А. Д. Голицын отправили Николаю I послания, в которых обвиняли А. Н. Голицына в причастности к заговору иллюминатов.<sup>24</sup> Доносчики были высланы из столицы, а А. Н. Голицын продолжал пользоваться неограниченным доверием императора и даже воспитывал его детей.

Сегодня имеются точные сведения о собраниях розенкрейцеров в Москве, продолжавшихся до начала XX в., и о «мистическом» кружке А. Н. Голицына, куда входили розенкрейцеры. Однако их занятия носили нравственно-этический и религиозный, но никак не политический характер. Кто же смог убедить Николая I в том, что масоны для него безопасны? Неужели тут было достаточно поручительства А. Н. Голицына, неисправимого мистика, до конца жизни занимавшегося поиском пророков? Связи Николая I с масонами и розенкрейцерами могли быть более глубокими, чем принято считать. Их еще только предстоит исследовать.

- <sup>1</sup> Рескрипт Николая I министру внутренних дел // ПСЗ. СПб., 1830. Собрание 2. Т. 1. № 277. С. 390–391.
- <sup>2</sup> Серков А. И. История русского масонства XIX века. М., 2000. С. 257.
- <sup>3</sup> О масонских ложах и тайных обществах // РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 358. Л. 3–4.
- <sup>4</sup> Там же. Л. 9.
- <sup>5</sup> Там же. Л. 14.
- <sup>6</sup> Дубровин Н. Ф. Наши мистики-сектанты. СПб., 2009. С. 403.
- <sup>7</sup> О масонских ложах и тайных обществах // РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 358. Л. 19–20.
- <sup>8</sup> Серков А. И. Русское масонство 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 676.
- <sup>9</sup> Там же. С. 714.
- <sup>10</sup> Там же. С. 537.
- <sup>11</sup> Там же. С. 458.
- <sup>12</sup> Там же. С. 809.
- <sup>13</sup> Там же. С. 707.
- <sup>14</sup> Там же. С. 720.
- <sup>15</sup> О масонских ложах и тайных обществах // РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 358. Л. 24.
- <sup>16</sup> Там же. Л. 67.
- <sup>17</sup> О доставлении по Высочайшему повелению сведений о чиновниках // РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 346. Л. 1.
- <sup>18</sup> Там же. Л. 3.
- <sup>19</sup> Отчеты по делам и бумагам канцелярии за 1829 год // РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 455. Л. 4.
- <sup>20</sup> Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время». СПб., 2000. С. 197–198.
- <sup>21</sup> Об отправке двух чиновников в Лондон и Берлин // РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 382. Л. 145.
- <sup>22</sup> Арсеньев В. С. Воспоминания и дневник. СПб., 2005. С. 327.
- <sup>23</sup> Масоны в жандармских донесениях (конец 20-х – начало 30-х гг. XIX в.) // Российский архив. 2003. Вып. 12. С. 171–186.
- <sup>24</sup> Шильдер Н. К. Два доноса Николаю I // Русская старина. Т. 97. 1899.